

Альфа

Центавра

**Документальная
поэма о космонавтах,
которые не были
в космосе**

Александр

Плотников

Individuum. Sub

Александр Плотников

**Альфа Центавра. Документальная
поэма о космонавтах,
которые не были в космосе**

«Individuum / Popcorn books»

2025

УДК 629.78
ББК 84(2Рос=Рус)

Плотников А.

Альфа Центавра. Документальная поэма о космонавтах, которые не были в космосе / А. Плотников — «Individuum / Popcorn books», 2025 — (Individuum. Sub)

ISBN 978-5-04-221279-6

В эпоху культа силы, завоеваний и побед необходимо по мере сил учиться вниманию к уязвимости, неудачам и поражениям. Режиссер и драматург Александр Плотников в своей первой книге рассказывает истории космонавтов, которые отдали судьбы ради космоса, но так и не совершили ни одного полета. Или, как собака Лайка, не вернулись живыми. Автор посвящает этим мужчинам, женщинам и собакам поэму, отправляется в воображаемое путешествие к звездам заветной Альфа Центавры и дополняет книгу развернутым эссе, в котором признается и в собственном судьбоносном поражении.

УДК 629.78
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-04-221279-6

© Плотников А., 2025
© Individuum / Popcorn books, 2025

Содержание

Пролог	7
Песнь первая	9
Песнь вторая	12
Песнь третья	16
Песнь четвертая	20
Песнь пятая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Александр Плотников

Альфа Центавра

Документальная поэма о космонавтах, которые не были в космосе

Сколько полётов вы совершили на истребителях класса МиГ?

Я совершил 37 успешных полётов.

Сколько прыжков вы совершили?

Я совершил 53 успешных прыжка с парашютом.

Желаете ли вы летать на более современных типах самолётов?

Да, желаю.

Хотели бы вы полететь на ракетах вокруг Земли?

Надо подумать.

Сколько полётов вы совершили на истребителях класса МиГ?

42.

Сколько прыжков вы совершили?

Около 10 аварийных прыжков.

Хотели бы вы полететь на ракетах вокруг Земли?

Нет, не хотел бы. Человек – земное существо.

Звание.

Старший лейтенант.

Сколько полётов вы совершили на истребителях класса МиГ?

Отлетал 265 часов на МиГ-15.

Желаете ли вы летать на более современных типах

самолётов?

Конечно, желаю!

Хотели бы вы полететь на ракетах вокруг Земли?

А что, это возможно?

Отвечайте на вопрос.

Да. Да, я хотел бы полететь на ракетах вокруг Земли.

Когда вылетаем, товарищ командир?

Пилот Гагарин, прекращайте шутки.

Слушаюсь, товарищ командир.

Пролог

Из двадцати космонавтов, отобранных
для испытания новых
летальных аппаратов, *восемь*
так никогда и не полетели
в открытый космос.
Их имена были стёрты
из рапортов и отчётов,
а лица – с общих фотографий.
Неудачи советской космонавтики были
засекречены вплоть до конца
1980-х годов,
так что не будет большим преувеличением сказать,
что все они
были забыты дважды,
а иные из них
и умерли дважды.
Глядя теперь
на прочерки и пустоту, которые
оставляет после себя
любая человеческая жизнь,
мы в очередной раз можем убедиться,
что нам суждены навеки
катастрофа забвения и
забвение катастрофы. 1 августа
1971 года
на Луне
командиром космического корабля «Аполлон-15» Дэвидом
Скоттом
была установлена
алюминиевая скульптура,
изображающая космонавта, лежащего навзничь.
Рядом со скульптурой была установлена
мемориальная табличка, призванная
увековечить здесь,
на безлюдном спутнике,
имена погибших космонавтов.
Список из 14 имён был,
по словам самого Скотта,
неполным. В нём
не хватало двух имён,
имени Бондаренко и
имени Нелюбова,
о чьих трагических смертях
в 1971 году никто не знал.
Памятник на Луне называется

Fallen Astronaut, или
Павший астронавт, но
истинным памятником им
служит сама Луна
в большей степени, чем любая рукотворная конструкция:
безлюдная пустыня забвения,
планета мёртвых.
Павшие астронавты, они не сложили песен.
Павшие астронавты, о них не сложили песен.

Так начинается
песнь для них.

Песнь первая

В воскресенье
24 июля 1960 года
космонавт Валентин Варламов
купался вечером в деревне
Медвежьи Озёра и,
ныряя на мелкой воде,
сильно ударился головой
о дно. В результате
несчастливого случая Валентин Варламов
получил смещение шейного позвонка,
в силу чего дальнейшее
участие
в лётной программе
сделалось невозможным.
После того как Варламов
вышел на берег,
держась за шею, отвечая
на вопросы друзей, полные беспокойства,
что он, Варламов, в порядке,
он,
обмотавшись одним полотенцем,
под предлогом, что хочет купить газировки,
добрался до трассы
и сел
на попутку до госпиталя,
словно не в силах был вынести
неопределённость дурного предчувствия,
что нависла над ним в то июльское воскресенье,
в тёплое и равнодушное июльское воскресенье.
Вскоре Сергей Павлович Королёв,
главный конструктор,
навестил Варламова в больнице,
где тот лежал на вытяжке, и,
пробыв возле него достаточно долго,
не проронив ни слова,
покинул палату. 6 марта,
за 37 дней до полёта Гагарина,
Валентина Варламова исключили
из первого космического отряда,
оставив за ним право служить
на благо своей страны
в качестве старшего инструктора
по прыжкам
с парашютом. Валентин Варламов
умер

двадцать лет спустя
2 ноября 1980 года, когда,
поскользнувшись в ванной комнате, сильно
ударился головой о кафель, что
стало причиной смертельного
кровоизлияния в мозг.

По другой версии, он клеил обои
и, упав с табуретки, ударился
головой о
край кровати, что
стало причиной
смертельного кровоизлияния в мозг.

По одной из версий
этой второй версии,
он был пьян.

Он *заливал своё горе*,
говорит его дочь, Елена Варламова.

Заливал своё горе.

Почему эти формы
обязательного упражнения в трауре
носят такой безличный характер? Словно
язык издевается
и загоняет нас, говорящих существ,
всё глубже и глубже в тёмный
угол, откуда
нет выхода.

В большинстве информационных источников
нет подробностей смерти
космонавта Валентина Варламова.

Песнь истории молчит о побеждённых.

В основном
написано вот что:

*Исключён из списка офицерского состава ВС СССР в связи со
смертью.*

Валентин Варламов
похоронен на
кладбище Леониха,
Щёлковский район, Московская область,
на кладбище, где хоронят
исключительно
людей воздушных профессий, а именно
лётчиков, парашютистов и
космонавтов, он
покоится там
на космической аллее,
единственный в своём роде,
с выгравированной на
вечности своего стыда
(которому суждено

пережить и его, и нас)

фразой:

Опыта космических полётов не имеет.

очередная планета оказалась непригодна для жизни.

плывём дальше.

сегодня я снова решил поупражняться в поэзии. написал стихотворение и прочитал его членам экипажа. кажется, им понравилось. у меня с собой томик Гёльдерлина, это, конечно, подражание. можно сказать, что это такой гимн нашему путешествию, которое что-то изрядно растянулось.

мы увидим тебя Альфа Центавра

и вновь изведем скорбь

Альфа Центавра раскидистый сад цветущий

цветами первого сильного времени

когда мы увидим тебя

мы без борьбы одолеем всё то

что царапалось нас объяснить

мы поймём

что о небе мольба это пятый сезон

между зим помещаясь по нашей ошибке

мы всегда угадаем его

когда мы увидим тебя

Альфа Центавра

мы смолкнем

и наши молитвы что липли так долго к тебе

счистим с тысячелистников с роз с гиацинтов твоих

мы смолкнем

мы слижем всю соль наших слёз

что сверкает в ресницах созвездий

так что там откуда мы родом

ещё полагают: о, звезда их вела!

или: о, где-то там мой возлюбленный!

и даже ещё

загадывают желания

Песнь вторая

Только единожды в газете «Известия»
в 1986 году
был опубликован
пофамильный список
космонавтов, входивших в первый отряд,
что, в общем, прошло незамеченным,
ибо в тот день
газеты писали
о чернобыльской катастрофе. Так,
всегда какая-то катастрофа
заслоняет катастрофу поменьше,
которая заслоняет ещё одну. Из всех,
кто не полетел,
по умолчанию неприметных,
Карташов и Заикин, возможно,
самые
неприметные.
Оба они не гибли
в огне, в вакууме, в муках,
не претерпевали
сфокусированного
воздействия несправедливости.
Иными словами, ни тот, ни другой
не позировал горю, и
сказать о них нечего. Или
почти нечего. Дмитрий
Алексеевич Заикин родился
в 1932 году в Ростовской области,
в самом начале
голодомора и в детстве
часто недоедал,
что для ума, изувеченного
вездесущим абсурдом, могло бы
сойти за причину возникновения
язвенной болезни, которая
перечеркнула Митину мечту,
ведь в конце 1960-х он был
отчислен из отряда космонавтов
по медицинским показаниям в связи с
внезапным обострением гастрита.
Отец Заикина умер от холода
в Сталинграде, и с самых ранних
лет Митя хотел
летать, чтобы убивать фашистов,
летать, чтобы

убивать фашистов.
Карташов Анатолий Яковлевич
родился в том же
1932 году,
и вообще, все *они*, кто летал и кто нет,
все они – это люди, на чьё
детство выпали тёмные годы
террора, войны и голода.
У Карташова единственного отец —
не фронтовик, поскольку он
ещё до начала войны
был расстрелян как сын кулака.
Из-за тени, которую
бросало НКВД
на всю дальнейшую
жизнь детей репрессированных,
Карташов
часто сталкивался с
бессмысленной агрессией, его
отстраняли от
полётов в академии, мы
едва ли способны
представить
объёмы недоверия, с которыми
ему приходилось сталкиваться
с раннего детства. Несмотря на это,
Карташов всегда и везде
старался быть лучше всех, старался
выслужиться, что не осталось
незамеченным. В личном списке
Королёва он
проходил среди самых надёжных
пилотов, имеются даже
вполне доказательные предположения,
что мандатная комиссия
ставила на него. Но
во время испытаний на кресле Барани,
за несколько недель
до 12 апреля,
Карташов получил повреждения,
несовместимые с освоением космоса.
Несмотря на
предостережения врачей,
проводивших испытания,
Карташов настаивал
на продолжении тестов
и успешно с ними справился,
выдержав неимоверную
двенадцатикратную перегрузку, чем

вызвал всеобщее восхищение.
Он чувствовал себя отлично,
покинул полигон, пообедал,
но вдруг в душевой
сослуживец Юра
заметил на теле Карташова
какие-то
странные пятна,
пятна неизвестного происхождения,
неопределённой формы и цвета.
Эти странные пятна росли на глазах,
возникали всё новые, будто
неведомый зверь разрушения
перемещался по телу Карташова,
оставляя тёмные вмятины.
Позже
врачи опознали в пятнах
разрывы сосудов, вызванные
закипанием азота в крови,
что свидетельствовало о глубинных
повреждениях ткани и органов.
Карташов пошёл на опережение
неминуемой участи и
сам подал заявление
на исключение из отряда.
В последние годы
занимался резьбой по дереву
и делал выписки из
американских журналов
по астрономии.
Среди явлений
космических тел,
которые вызывали его особенный интерес,
были чёрные дыры,
пояса астероидов
и кольца Сатурна.

Гёльдерлин пишет: «поэтически проживает человек на этой земле». что он имеет в виду? непонятно. могу сказать, что в открытом космосе есть острая нужда в поэзии. здесь всё не о нас. понял, что нас здесь вообще быть не должно. делился этими мыслями с капитаном, он не понял.

остается тебе только заново
сделать из лунного камня – колени заново
вырезать горло в остывшей звезде заново
голос как в ножны вложить в это горло
и слушать молитвы и песни
может и наши пейзажи
(вид которых я право не помню уже)

сад камней в котором тоску зарывают?..

Песнь третья

Сергей Павлович Нефёдов родился
в посёлке Верхняя Часовня, служил
в бомбардировочном авиаполку
и был отобран среди прочих
лётчиков с абсолютным здоровьем
в отряд космонавтов-испытателей, или,
как выражались позднее,
нулевых космонавтов.
Половине из составлявших отряд
было едва за тридцать, когда
они погибли. Королёв говорил:
Мы должны знать потолок,
мы должны знать, на что человек способен,
в связи с чем отобранных подвергали
тяжелейшим перегрузкам, многократно
превышающим те, которые
могли грозить им в открытом космосе.
Они пребывали на
сорокаградусном морозе в
одном тренировочном костюме
до тех пор, пока
температура в прямой кишке
не опускалась ниже 35 градусов,
что почти несовместимо с жизнью.
Нефёдов выстоял на морозе
около сорока часов.
Это одно из немногих
немыслимых испытаний, о которых,
изучив телеметрию Нефёдова и других,
мы можем сказать, что они
всячески превышают
любые человеческие лимиты,
словно само понятие
человеческого лимита
не постоянно, а может
двигаться, как горизонт при ходьбе,
и никто не знает, где
начинаются владения смерти.
Нефёдов провел без движения
11 суток в бассейне с водой,
после чего его кожа
стала сухой, как пергамент, и
лопалась от любого прикосновения.
Нефёдов пребывал в барокамере
в скафандре в течение месяца

при температуре 70 градусов Цельсия,
свернувшись в позу эмбриона,
и ни разу за месяц
не поменял положения.
Нефёдов исследовал
высотную физиологию
взрывной декомпрессии, когда
перепад давления имитирует
падение с высоты стратосферы,
от чего тело надувается изнутри,
как воздушный шар.
Что в действительности
не укладывается в голове: откуда
в одном человеке такие
немыслимые запасы здоровья, которых
при фантастическом перерасчёте
могло бы хватить
на целый больничный корпус или
хотя бы на шейные позвонки
космонавта Варламова.
Нефёдов провёл в условиях
кислородного голодания
многие дни и ночи,
и потеря сознания стала обычным делом.
Таким же обычным делом стали
атрофия мышц, истощение, разрывы сосудов,
но самое неприятное – это
язвы от датчиков, которыми
было покрыто всё тело,
и раздражение от
бесконечного геля.
За всё время службы Нефёдов
провёл более
150 испытаний.
Если суммировать все
эти ночи и дни
сопротивления
искусственно созданным условиям,
можно было бы получить
чистое время героя.
Но больше всего Нефёдов
известен как манекен,
по которому шили костюм
для первого космонавта.
Нефёдов провёл 24 часа
в гипсе, без сна и еды, а вода и воздух
доставлялись ему через крошечное
отверстие около рта.
Макетчики должны были снять с него

мерки и показания для скафандра Гагарина,
ибо их антропометрические параметры,
а именно рост, вес и комплектация
удивительным образом
полностью совпадали.
Можно сказать, что Нефёдов
на 24 часа
стал памятником.
Замурованный в гипсе, как в бронзе, он
безмолвно утверждал себя
и своё служение, напоминая о тех,
на чью долю выпала величайшая несправедливость —
лечь в фундамент дальнейших завоеваний
и великой человеческой славы.
В конце 1980-х
Нефёдов был
замечен в воровстве магнитол
и прочей немецкой техники,
которая поставлялась
в Звёздный городок. Дежурный,
вышедший на обход в тот вечер
чуть раньше обычного, обнаружил
пятидесятилетнего испытателя, который
выглядел как глубокий старик,
крадущимся к чёрному ходу
с двумя проигрывателями фирмы Telefunken
зажатыми под мышками. По ходатайству,
что впредь
Нефёдов не уронит честь советского человека
и что Нефёдов был полезен стране
как испытатель военной техники,
его дело закрыли, как будто бы
удачно рассчитались
за 17 лет безымянной работы
по ту сторону смысла.
Денежного пособия
по статье прохождения
особых испытаний, связанных
с риском для здоровья,
Нефёдов не получал,
так как все испытания,
в которых он участвовал,
были сперва засекречены,
а затем утратили
значение. В 1990-е годы
Нефёдов работал грузчиком
газет в «Известиях». На вопрос
в единственном интервью,
взятом у него

в конце 2000-х,
на вопрос о том,
о чем он жалеет,
Нефёдов ответил, что жалеет, что так
и не был в открытом космосе,
и добавил: *Предложили бы мне,
предложили бы мне,
долетишь до Марса, но
назад не вернёшься,
я бы и прямо сейчас,
я бы и прямо сейчас
полетел.*
*Одиссей послушай твой остров
по-моему сошёл с орбиты
и двигается быстрее
самого быстрого корабля
а радары в мыле
замри же попробуй
турбины вином оботри
глазам что утратили близь дай отдых
и может быть
Итака
дугой изрезав
прозрачный космический лёд
как девочка руки наложит
сзади тебе на глаза*

Песнь четвертая

После того как
Анатолий Карташов
выбыл из лётной программы,
к отбытию в космос
стали готовить
Валентина Бондаренко.
Пара недель до назначенной даты,
весеннее воскресенье,
тёплое равнодушное весеннее воскресенье.
Повседневные испытания в барокамере
с повышенным содержанием кислорода
идут своим чередом.
Бондаренко чувствует себя отлично.
Он греет на электроплитке
постный сублимированный суп
и почему-то забывает
выключить электричество.
Когда
испытания уже закончены
и дежурный инженер
почему-то
выходит на улицу покурить,
Бондаренко отлепляет от тела датчики
и стирает ватным тампоном с тела
медицинский гель.
Этот ватный тампон, который
Бондаренко, в прошлом
мастер спорта по баскетболу,
бросает в мусорный бак,
почему-то
не попадает в мусорный бак,
а падает на
раскалённую электроплитку.
Дверь барокамеры клинит.
Дежурный инженер
как раз вдавливают окурок
в пепельницу. Бондаренко
вытаскивают
через 8 минут,
когда всё его тело
уже не похоже на тело.
Моя вина,
это моя вина,
это моя вина,
повторяет он раз за разом

и не теряет сознания,
оставшись совсем без кожи,
это моя вина,
успокойся, ты поправишься, – кричат ему,
не винить никого, – отвечает он. —
это моя вина.
Он повторяет это
на протяжении всех семи часов
от возгорания барокамеры
до ожоговой смерти.
Сделать так, чтобы никто не узнал
о печальной случайности,
поручают Комитету
государственной безопасности.
И долгое время об этой случайности
никто ничего не знает,
пока в конце перестройки
работник Дома московского радио
не обнаруживает в архиве
московского радио
какую-то
странную радиозапись.
Включив эту
радиозапись,
он не может поверить своим ушам
и решает, что это суфлёр
проверял исправность микрофона.
На этой записи
обращение к Советскому Союзу,
текст знакомый до запятой,
как детская площадка во дворе,
но произнесённый совсем,
совсем другим
незнакомым голосом,
голосом Валентина Бондаренко:
через несколько минут могучий космический корабль
унесёт меня в далёкие просторы Вселенной.
Что можно сказать вам
в эти последние минуты перед стартом?
Вся моя жизнь кажется мне сейчас
одним прекрасным мгновением.
Всё, что прожито,
что сделано прежде,
было прожито и сделано
ради
этой минуты¹.

¹ Из предстартовой речи Гагарина. – Здесь и далее прим. автора.

*читая на палубе корабля в тысяче световых лет от земли
описание природы у Толстого, поймал себя на том, что плачу.
или вот ещё «белеет парус одинокий». я никогда не видел ни моря,
ни парусов, так как родился уже в космосе. что это всё значит?
что думали люди, когда писали это? кажется, что вся земная
культура была создана именно для этого момента, когда на земле
никого не останется и мы отправимся на поиски далёких планет.
понимаю, что это эгоистично звучит. но отсюда я вижу, как
много в этом любви.*

Песнь пятая

В 1950-х, из страха,
что первый в мире советский
космодром может стать
целью американского авиаудара,
в 300 километрах от Байконура
был выстроен
второй Байконур,
координаты которого
фигурировали в отчётах,
отводя опасность от действующей станции.
Тысячу заключённых
переместили
к месту строительства, где
с тщательностью и проработкой,
избыточной для фанерной копии,
был возведён макет космодрома
в натуральном масштабе.
Можем ли мы представить
то неопишное удивление эзков, если
удивление было ещё в их силах,
когда по окончании рабочего дня они
возвращались в бараки, проходя
мимо огромных фанерных ангаров
и ракет, построенных из
деревяшек и щебня.
Науке известен эффект
так называемой
зловещей долины, когда
жизнеподобие манекена или
чрезмерная похожесть
любой копии на оригинал
вызывает у наблюдателя
неподдельный ужас и
необъяснимое смятение. Вероятно,
это происходит от
не установимой никакой мыслительной процедурой
границы, которая
должна бы разделять
живое и мёртвое, границы,
попросту говоря,
отсутствующей, что, в свою очередь,
приводит, если так можно выразиться,
к разгерметизации реальности,
в силу чего *сюда*
проникает нечто

наподобие холода,
как в тёплую комнату, когда
открыто окно. Примерно то же
ощущали советские ученые, впервые
увидев манекен, изготовленный
для тестирования нулевого полёта
космического аппарата «Восток ЗКА-2».
Имя *Иван Иванович*, иногда дядя Ваня,
было универсальным прозвищем
для любых манекенов,
которые использовались в СССР
для тренировок,
например, пожарных команд или
для испытания техники.
Но самым известным из них,
почти что героем,
дважды побывавшим
в открытом космосе,
был Иван Иванович из Звёздного городка,
сконструированный в конце 1950-х годов
и проданный на американском аукционе
в начале 2000-х за
баснословную сумму.
Иван Иванович летал в начале
апреля
1961-го, неся в отсеках
внутренних полостей
биоматериал, состоящий из
мышей, морских свинок, кроликов,
раковых и здоровых клеток
и некоторых злаковых культур,
в связи с чем
можно вспомнить
стихотворение немецкого поэта
Готфрида Бенна, который
работал патологоанатомом и
размышлял о внутренней темноте
человеческих тел.
В одной из вещей
он описывает, как
вскрытие утопленника обнаружило
в полостях его тела
выводок
морских крыс. *Жизнь продолжается,*
пишет Бенн. – *Жизнь продолжается.*
Иван Иванович выполнял
катапультирование по сценарию,
разработанному для первого космонавта,
и утвердил своей столь же безукоризненной,

сколь и бездушной службой
советские инженерные достижения.
Только однажды, во время второго
тестового полёта,
маршрутизатор Востока, на борту которого
находились Иван Иванович и собака Чернушка,
дал сбой, корабль сошёл
с курса и рухнул
возле деревни Старый Токмак.
Тормозной парашют, сшитый из
арамидного волокна,
не теряющего прочность при нагреве
и способного выдержать нагрузки
в тысячи ньютон-метров, был
обнаружен местными жителями,
разрезан и употреблён
в домашнем хозяйстве.
Говорят, что и поныне
в деревне Старый Токмак
среди прочих
свидетельств повседневности
можно обнаружить
шторы, кофточки, юбки,
штаны и рубашки, пошитые
из купола парашюта,
обугленного космическим ветром.

*сегодня на палубе давали Чехова
иллюминаторы полные ночи казались глазами
так хорошо играли артисты
(впрочем артист один среди них
остальные природного дара
кто повар а кто инженер)
путь наш далёк впереди ещё десять
а может и двадцать лет темноты
с тех пор как весло наших топливных баков*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.